

JĘZYKOZNAWSTWO

Piotr Czerwiński

Uniwersytet Śląski w Katowicach

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ ОДНОГО
ОБЩЕСЛАВЯНСКОГО КОРНЯ *МЪРZ(TI) > *MORZЬ
И ИХ ПРОИЗВОДНЫЕ****The Semantic Projections of an all-Slavonic Root *mъrz(ti) > *morzь
and its Derivatives**

ABSTRACT: This paper is an attempt to devise a conceptual paradigm for the semantic relations in the meaning of words in various Slavonic languages and in some of their dialects. The source material are the data contained in *The Etymological Dictionary of the Slavonic Languages. The Pre-Slavonic Lexical Source* – 20th edition by O.N. Trubachov, Moscow: Nauka, 1994. These data are the starting point to present the two basic features in the form of the meaning dyad of the common root *mъrz-* > **morz-*. The first element of this dyad assumes the meaning of ‘cold, cool, frost’ as the outer conditions of its *weather, nature* character (the A feature) while the second element assumes the *disgust, rejection* as the relation (the B feature). Both these features and their mutual relations are described here with regard to the division of their levels and sublevels of meaning as well as with regard to the various shades of these meanings in creating a system. This system is the base of the nomination correlation presented in the paper. Gradually the signs arise, and they take part in the creation of the projections mentioned in the paper’s title. These signs refer to subject, object, object-person, object-thing, space, action, feature-properties (attributive), features-quality (characteristics) observed outside and felt inside.

KEYWORDS: semantics, mentality, etymology, Slavonic languages, mental paradigms

Различаемые в современном, и не только в современном, сознании и связываемые с дальнейшими своими проекциями значения вынесенного в заглавие корня, для *мороз* (опираясь на русское слово) ‘стужа, холод’ и *мерзкий, мразь* ‘противный, гадкий, отталкивающий, вызывающий антипатию, неприязнь’, ко-

торые трудно представить себе как сходные, этимологически восходят, согласно свидетельствам словарей, к единому первоисточнику. И это было бы исходной точкой предложенных в данной статье рассуждений. Начнем с цитирования. В статье **МОРОЗ** историко-этимологического словаря дается следующее: «О.-с. *morzъ. И.-е. база *merg'- : *morg'- (Pokorny, I, 740). Ср. алб. mardhje – «озноб», mërdhij (márdhur) – «замерзать», «мерзнуть». См. *мерзнуть*¹. И, соответственно, **МЁРЗНУТЬ**: «О.-с. *myrznōti. И.-е. база *merg'- (: *morg'- : *mrg'-) – «изнурять», «уничтожать» > «портиться», «гнить», «грухляветь» (Pokorny, I, 740), та же, что в рус. *мороз* (см.), *мерзкий*»². В еще одном подробном и обстоятельном словаре: «***morzъ**: ст.-сл. мразъ, -а, м.р. 'мороз' ... болг. (Геров) *мразъ* м.р. 'большой холод, мороз; лед' ... Производное с огласовкой -o- от гл. *myrznōti* (см.). Родственно алб. *mardhem* 'мерзну', *mardhe* 'гусиная кожа', *marth* 'мороз', далее др.-в.-н. *murgfari caducus, fragilis*. И.-е. *merg'-h- 'гнить, намокать', далее, возможно, к *mer(ə)- 'измельчать; пропадать, умирать' ... Производность *myrztī → *morzъ и отнесение этого этимологического гнезда к и.-е. *mer-g'- 'мокрый, гнилой' не подлежит сомнению»³. Таким образом, направление смысла, оформляемого теми или иными возможными огласовками исторически общего корня, имеет троичный в своей основе характер: от индоевропейского представления 'гнить, намокать' < 'мокрый, гнилой' < 'измельчать, пропадать; умирать' к общеславянским, связанным с 'холодом, стужей', с одной стороны, и, с другой, с 'отвращением и неприятием'.

Прежде чем перейти к непосредственному предмету данной работы, видится немаловажным обратиться к еще одному объяснению в том же этимологическом словаре относительно перехода от первого ('холода, стужи') ко второму (тому, что вызывает 'отталкивание и неприятие'), которое, при своей несомненности, с точки зрения мотивации, представляется неоднозначным. Как отмечается, «... семантические отношения внутри данного этимологического гнезда [*myrztī → *morzъ < и.-е. *mer-g'- 'мокрый, гнилой'] не подвергались подробному рассмотрению. Часть этимологов устанавливает связь между *myrztī и *myrзькъ на основе мотивации 'холодный, застывший как труп' → 'вызывающий отвращение' (см. Преображенский 406), другая часть видит в основе мотивацию 'дрожь от холода, ужаса; гусиная кожа' (см. Skok II, 473), третьи считают исходным значение 'изморозь, иней, замерзающий при падении дождя' (см.: Потехня...). ... В первую очередь следует подчеркнуть, что глагол *myrztī обозначает процесс перехода из одного состояния в другое: из жидкого (мягкого, гибкого, подвижного, живого) в твердое (застывшее, неподвижное, мертвое). ... Одна из особенностей перехода из жидкого состояния в твердое – замедление движения.

¹ П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В 2 т., 3-е изд., стереотип., Москва 1999, т. I, с. 544.

² Там же, с. 524.

³ *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, вып. 20 (*morzatzьъ – *myrsknōti), под ред. О.Н. Трубачева, Москва 1994, с. 10, 12.

Отсюда такие значения, как ‘задерживаться, слабеть; становиться слабым, ленивым’. См. сербохорв. диал. *mr̄za* ‘лень’ ... болг. *mr̄zi me* ‘мне лень’, *mr̄zлив* ‘ленивый’, *mr̄zла* ‘лентяйка’, диал. *mr̄zǎ* ‘лень’, блр. диал. *m̄rзлы* ‘медлительный’. ... Возможно, сюда же ст.-чеш. *mrznu* ‘слабосильный’, откуда ст.-чеш. и чеш. *mrzák* ‘калека, урод’ ... Второй круг значений передает изменение отношений между людьми в сторону охлаждения в большом диапазоне от раздражения надоедливостью до недоброжелательства, ссоры, вражды, ненависти, отвращения. См. чеш. *mrzeti* ‘надоедать’, рус. диал. *мерзёнье* ‘надоедливый человек’ ... Болг. *mr̄зя* ‘ненавидеть’, *мр̄за* ‘ненависть’, ст.-сл. *мразити* ‘ненавидеть’, *омр̄за* ‘ненависть’, др.-рус. *мерзость* ‘вражда’ ... Обе линии ‘побитый морозом, испорченный, уничтоженный морозом (о растениях, плодах и пр.)’ и ‘вызывающий отвращение’ сближаются, ср. польск. *obmierzać* ‘омерзеть’, *obmierzły* ‘противный’⁴.

Столь подробно цитируемое замечание позволяет увидеть немаловажные следствия: 1) то, что можно считать состоянием характеризуемого, с точки зрения температурного действия, внешнего, переходит в сознании, называя с помощью той же номинативной основы, к определению подобного, и также внешнего, воспринимаемого состояния человека (‘холод, стужа’ > ‘холодный как труп’), либо 2) к определению ощущения, связываемого с переживанием данного состояния (‘холод, стужа’ > ‘дрожь от холода’), либо 3) продвигаясь далее, к определению ощущения, связываемого с переживанием состояния иного рода, но объявляющим себя сходным образом (‘холод, стужа’ > ‘дрожь от холода’ > ‘дрожь от ужаса’), либо 4) к определению, на сей раз не ощущения, а проступания, видимого на теле и наблюдаемого, вызванного переживанием ранее упомянутых холода или ужаса (‘холод, стужа’ > ‘дрожь от холода, ужаса’ > ‘гусиная кожа’). То, что в (1) было названо состоянием внешнего, по отношению к человеку, но при этом воздействующего на него (‘холод, стужа’), номинативно способно переходить на воспринимаемое внешнее в самом человеке (‘холодный как труп’), а также на внутреннее, в переживании, в ощущении, проступающее, обнаруживающее себя во внешнем (в виде дрожи, гусиной кожи и пр.). Номинативное смысловое движение этим себя не исчерпывает, поскольку осуществляется переход на то внутреннее, переживание, ощущение, которое себя проявляет во внешнем как состояние (для человека) – от гибкого, живого, подвижного к твердому, неподвижному, мертвому, – предполагая замедление движения в ‘становиться слабым, ленивым’, ‘лень’, ‘мне лень’, ‘медлительный’, ‘слабосильный’, с одной стороны, и следующее из этого отношение к подобно себя проявляющему субъекту, с другой, характеризуя его по этому признаку как объект: ‘ленивый’, ‘лентяйка’, ‘калека, урод’. С еще одним кругом значений, предполагающим «изменение отношений между людьми в сторону охлаждения»: ‘надоедать’, ‘надоедливый человек’, ‘ненавидеть’, ‘ненависть’, ‘мерзость’, ‘вражда’, ‘омерзеть’, ‘противный’ и пр.

⁴ Там же, с. 13, 14.

Из всего этого появляются основания, которые будут предметом дальнейшего рассмотрения: *A* состояние и *B* отношение, в сопологаемых парах; *I* внешнее, *II* внутреннее, себя объявляющее во внешнем, наблюдаемое в нем, *III* внутреннее, – в сопологаемой триаде. Нашей задачей не является, и это видится необходимым оговорить, отслеживание порядка возможных номинативных соотношений и переходов по разным славянским языкам и их диалектам, что представляется невыполнимым и недостижимым. Задача сводилась к «просвечивающему» (если можно так это определить) выведению концептуально связываемых соотношений того, что, будучи названо и отразившись в лексических единицах, получило свое воплощение, заполнив, заняв какое-то позиционное и не случайное место в стоящей за всем этим матрице языкового сознания⁵. Иными словами, предполагается представление о том, что как на-

⁵ Не вдаваясь в подробности представлений о подобной матрице, языковом сознании и включении первой в то, что второе, поскольку это не входит в поставленную нами задачу, назовем лишь некоторые работы из их большого числа, затрагивающие эти и связанные с ними вопросы: О.Г. Почепцов, *Языковая ментальность: способ представления*, «Вопросы языкознания» 1990, № 6, с. 110-122; М. Bugajski, *Świadomość językowa a świadomość lingwistyczna. Społeczne i naukowe potrzeby kultury języka*, [w:] *Mowa rozświetlona myślą. Świadomość normatywno-stylistyczna współczesnych Polaków*, pod red. J. Miodka, Wrocław 1999, s. 33-38; Т.Н. Ушакова, *Языковое сознание и принципы его исследования*, [в:] *Языковое сознание и образ мира*, под ред. Н.В. Уфимцевой, Москва 2000, с. 13-23; Е.И. Горюшко, *Языковое сознание (ассоциативная парадигма)*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва 2001; S. Cygan, *Zagadnienie świadomości językowej w literaturze językoznawczej*, [w:] *Annales Academiae Pedagogice Cracoviensis. Studia Linguistica*, pod red. L. Bednarczuka, M. Mączyńskiego, T. Szymańskiego, I, Kraków, 2002 s. 47-54; Т.Н. Ушакова, *Понятие языкового сознания и структура речемысленной языковой системы*, [в:] *Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты*, под ред. Н.В. Уфимцевой, Москва – Барнаул 2004, с. 6-17; А. Markowski, *Świadomość językowa współczesnych Polaków*, [w:] *Kultura języka polskiego. Teoria. Zagadnienia leksykalne*, Warszawa 2005, s. 123-126; Н.Н. Болдырев, *Проблемы исследования языкового сознания*, [в:] *Концептуальный анализ языка: Современные направления исследования*, Москва – Калуга 2007, с. 95-108; М.П. Киселева, *Языковое сознание как проблема отечественной когнитивистики*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ростов-на-Дону 2009; И.А. Барина, Н.М. Нестерова, И.Г. Овчинникова, «Языковое сознание»: к вопросу об определении и интерпретации термина, «Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия Проблемы языкознания и педагогики» 2010, № 4, с. 10-21; П.Н. Барышников, *Проблема концептомоделирования в языковом сознании (на примере когнитивных метафор)*, «Альманах современной науки и образования» 2010, № 1 (32): в 2-х ч., ч. II, с. 15-18, Тамбов: Грамота; Н.В. Уфимцева, *Языковое сознание: динамика и вариативность*, Москва 2011; S. Gajda, *Ku świadomości językowej*, [w:] *Świadomość językowa. Język a edukacja*, pod red. J. Nocoń, A. Tabisz, t. 3, Opole 2014, s. 15-24; Е.В. Дзюба, *Типология категорий языкового сознания*, «Вестник Московского городского педагогического университета» 2015 № 1 (17), с. 78-86; Е.В. Дзюба, *Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании*, Екатеринбург 2015; Ю.Г. Ткаченко, *Языковая матрица гендерных стереотипов*, «Политическая лингвистика» 2016, № 5 (59), с. 131-135. См. также статьи из сборника, специально посвященного этим вопросам: *Świadomość językowa w ujęciu antropologiczno-kulturowym*, [w:] *Język a kultura*, t. 28, 27 maja 2021.

блюдаемые, так и ненаблюдаемые, но осознаваемые человеком⁶ объекты, признаки, состояния, действия, им ощущаемые, переживаемые, воспринимаемые, чувствуемые, покрывая собой нечто связывающее их в называющем и означающем отношении⁷, составляют определенным образом устроенный, предполагающий порядки, приоритеты и уровни вид, который можно свести к виртуально подвижной в своих проявлениях и переходах, моделирующей, концептуальной в своей основе, парадигмосистеме. Не столь важно при этом как ее называть, поскольку не это будет существенным.

Объект предлагаемого рассмотрения, составляя слова в их значениях с общеславянским исходным корнем **myrz(ti)* > *morzъ, выбирался из упомянутого *Этимологического словаря славянских языков* как источника, пространно и обстоятельно представляющего интересующий материал. Исследовался данный объект без учета формальных, отражаемых в корневых, многочисленных по языкам и их диалектам, огласовок (*myrz-*, *morz-*, *moroz-*, *moraz-*, *morož-*, *mraz-*, *mráz-*, *mrâz-*, *mrăz-*, *mrz-*, *mîz-*, *mîz-*, *mîz-*, *merz-*, *mierz-*, *mjerz-*, *m'orz-*, *mrъz-*, *mъrz-*, *mîž-*, *mîž-*, *marž-*, *mîrz-* и др.), а также структурно-словообразовательных видов и вариантов, типа *morza, *morzakъ, *morzatyjb, *morzica, *morzikъ, *morzina, *morziti, *morzivъjb, *morzovatъjb, *morzovina, *morzovitъjb, **morzovъ(jb)*, *morzovъсь,

⁶ Как Субъектом языка по Э. Бенвенисту: «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство *быть*, – понятию «Его» ... «субъективность» ... есть не что иное, как проявление в человеке фундаментального свойства языка. ... Язык возможен только потому, что каждый говорящий представляет себя в качестве субъекта, указывающего на самого себя как на я в своей речи. ... Именно в реальности диалектического единства [общества и индивида] ... и кроется языковое основание субъективности». (Э. Бенвенист, *Общая лингвистика (Гл. XXIII О субъективности в языке)*, Москва 1974, с. 292, 293-294).

⁷ В этом случае можно было бы говорить о подобии семантическому полю, если понимать его как парадигму в отвлечении от средств лексической (лексемной) реализации. Ср., однако, такие определения поля: «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» (*Большой энциклопедический словарь. Языковедение*, под ред. В.Н. Ярцевой, Москва 1998, с. 380); «совокупность слов и выражений, образующих тематический ряд и покрывающих определенную область значений» (https://ru.wiktionary.org/wiki/семантическое_поле, 17.03.2023); «самая крупная смысловая парадигма, объединяющая слова различных частей речи, значения которых имеют один общий семантический признак» (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/20038>, 17.03.2023). См. также: Л.М. Васильев, *Теория семантических полей*, «Вопросы языковедения» 1971, № 5, с. 105-113; Н.Г. Долгих, *Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии*, «Филологические науки» 1973, № 1, с. 89-98; Г.С. Щур, *Теория поля в лингвистике*, Москва 1974; С.Г. Шафиков, *Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц*, Уфа 1999; А.К. Башарина, *Понятие «Семантическое поле»*, «Вестник Якутского государственного университета» 2007, т. 4, № 1, с. 93-96; М.А. Бочарова, *Семантическое поле как способ системного описания лексики*, «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Вопросы образования: языки и специальность» 2012, № 4, с. 63-67.

*morzka, *morzъkъ, *mъrzenъ(jb), *mъržeńnje, *mъržeiti и т.п. (все примеры источника). Также не являлись объектом исследования, поскольку не нашли в нем своего отражения, приставочные образования, типа рус. *омерзение, обмерзлый, замерзнуть, заморозки, смерзнуться, отморозить, отморозок*, болг. *замръзвам* ‘замерзаю’, *замръзнал, а, о* ‘мерзлый’, чеш. *vymrazovati* ‘замерзать’, *zamrzlý, -á, -é*, словац. *zamrznutý, -á, -é*, польск. *zmarzły, -a, -e* ‘замерзший’, чеш., словац. *zmrzlina* ‘мороженое’, словен. *zmrzovati* ‘заморозить’ и мн. проч. Не учитывалась при анализе, иными словами, внешняя, произносительная, равно как и, также внешняя, строевая, номинативно организующая сторона, – это составляло бы совершенно иную задачу. Предметом были значения и их вероятные соотношения, укладываемые в определенные и не случайные, поскольку они поддерживаются концептуально, связи и переходы, способные быть представленными в парадигматических по своему характеру группах, распределяемых по уровням.

Сопоставлением первого уровня, передаваемым формально в исходном корне **mъrz-* > **morz-* с его производными, было бы уже упомянутое диадное соположение признака *A*, понимаемого как состояние внешнего ‘холод, стужа, мороз’, в латинизированном означении *Stat(Frig)*, и признака *B* – отношение ‘отталкивания, отвращения, неприятия’, *Rel(Neg)*. Прежде чем пойти дальше в определении составляющих оба признака уровней и подуровней, имеет смысл обратить внимание на положенную в основу их различия процедуру. Покажем это на ряде примеров. Возьмем для начала примеры для признака *B* ‘отношения неприятия’, поскольку их меньше и с точки зрения организации они более прорисованы. Чем отличаются, исходя из стоящей задачи, значения первого выявляемого ряда – сербохорв. *mraza* ж.р. ‘ненависть’, болг. *mъrъж* ‘ненавидеть’, *mъrъжа* ‘испытывать ненависть’, болг. диал. *mъrъжа (ca)* ‘ненавидеть’, *mъrъже* ‘презирать, ненавидеть’, макед. *mрази* ‘ненавидеть’, словен. *mъrъziti, mъrъzim* ‘враждебно относиться’, сербохорв. *mъrъz* ‘нелюбовь’, от значений ряда второго – сербохорв. *mraza* ж.р. ‘ссора’, *mъrъziti* ‘сеять вражду, ненависть, клеветать, ссорить’, словен. *mъrъziti, mъrъzim* ‘ссорить’, укр. диал. *мерзенітти* ‘ругать, бранить, позорить’, рус. диал. *морзовать* ‘выговаривать кому-л., бранить кого-л.’?

Первый ряд, как нетрудно заметить, представляет значения проявляемого отношения неприятия (*B*), и тогда, соответственно, первого уровня (что и *A*), будучи признаком *Rel(Neg)* без дополнительных расширений. Второй ряд, в свою очередь, может быть определен как такой, значения которого предполагают действия в направлении отношения неприятия, проявляя (‘ссора’, ‘ругать, бранить, позорить’, ‘выговаривать кому-л.’) либо же вызывая его (‘сеять вражду, ненависть, клеветать, ссорить’), что в конструктивной формуле выглядело бы как *Act(S)* > *Rel(Neg)* – субъектные действия в направлении отношения неприятия. И это было бы следующим после первого уровнем, с различием проявления – ассигнатива, и вызывания отношения *Neg* – каузатива субъектного действия, как возможных деклинативных, или синтагматических, для данного уровня семантических форм. Из чего получалось бы, что подобные различия под-

уровня не образуют, входя в состав для них общего как возможные в нем оформления (на что следует обратить внимание в последующем).

Обращаясь к дальнейшим примерам, относящимся к признаку 'отношение неприятия' (*B*), можно выделить следующие четыре ряда, способные быть организованными парадигматическим образом:

- (1) сербохорв. *mraziti se* 'быть отвратительным, становиться мерзким; возбуждать ненависть', рус. бран. *мразь* 'дрянь, ничтожество; ничтожные, презренные люди', рус. диал. *морáзь* 'мразь' (твер.), *пóмразь* 'о ком-л. ничтожном, презренном, дурном' (яросл.), сербохорв. *mraznica* 'отвратительное существо женского пола', в.-луж. *mjerzać* 'злить, огорчать, доставлять неприятности, раздражать', польск. стар. *mierziać* 'вызывать омерзение, отвращение';
- (2) болг. диал. *mrazén* 'кого ненавидят', *mrazan*, прилаг., то же, что *mrzak* 'ненавистный отвратительный', чеш., словц. *mrzák* 'калека, урод', эвф. 'черт', словц. диал. 'изменник', польск. диал. *mierzak* 'мерзавец', рус. диал. *мерзáвый*, *-ая, -ое* 'плохой, мерзкий' (твер.), рус. диал. *мерзáвь* ж.р. 'мерзавка' (тамб.), сербохорв. *мр̀завац* 'мерзавец';
- (3) чеш. диал. *mrazka* 'плохая лошадь', рус. диал. *мразь* 'малый ростом' (влад.), рус. диал. *мразь* 'туманная мгла в сырое ненастное время' (вят.), блр. диал. *мразь* 'плохая погода', чеш. *mrzáci* 'повозки, остающиеся сзади, разоренные, когда во время гонок после свадьбы едут до дома жениха', чеш. диал. *mrzák* 'маленький нарыв на пальце', чеш. *marzák* 'о том, кто не высовывает нос из дома', словин. *m'ěrzák* 'капризный мужчина', *m'ěrzwk* 'угрюмый, недовольный человек', словин. *m'ierzati* 'капризный, неудовлетворенный, грустный, печальный', в.-луж. *mjerzawy* 'сердитый, раздраженный, досадный', польск. диал. *mierzawiec* 'мерзость, пакость', чеш. *merzený* 'сердитый, раздраженный, неприятный', чеш. *mrzena* 'болезнь (боли в паху); ткань мертвого тела, неприятность', укр. *мерзэнутися* 'мараться, пакоститься';
- (4) сербохорв. *mrzañe* 'ощущение, которое испытывает человек, когда ему что-то мерзко, гадко', сербохорв. *мр̀зети, мр̀зјети* безл. 'не иметь воли, желания к чему-то', ст.-польск. *mierzić się* 'отнекиваться, отказываться', словин. *m'ěržēca* ж.р. 'женщина капризная, привередница'.

Количество иллюстрирующих примеров по дифференцирующим признакам продолжения в уровнях исходного 'отношения неприятия' *B*, что естественно и закономерно, не симметрично, и это служит еще одним показателем определяемого парадигматического устройства. Так, в группе действия в направлении отношения неприятия ('сеять вражду, ненависть, клеветать, ссорить', 'ругать, бранить'), а также в тех, которые отразили себя в пунктах (1 и 4), примеров значений намного меньше по сравнению с остальными.

Возвращаясь к определению составляющих признаков общего 'отношения неприятия' *B*, то, что представлено в группе (1), можно охарактеризовать в показателях 'вести себя, проявлять в отношении неприятия', *Gest(RelNeg)*. Из этого следует то, что нашло отражение в (2), объявляя себя на дальнейшем уровне как 'объект отношения неприятия, быть объектом подобного отношения' (в силу

такого своего проявления), *Obj[Gest(RelNeg)]*. В подставляемых индексах формул получают свое воплощение уровни, делаясь очевидно наглядными. В свою очередь, то, что представлено в (3), отражая следующий уровень после *ObjGest* ('быть объектом отношения неприятия'), определялось бы в двух возможных синтагматических положениях – 'обладать признаками объекта отношения неприятия' / 'приобретать признаки отношения неприятия', *SignObj[Gest(RelNeg)]*: для краткости и контраста в значениях 'мерзость, пакость', с одной стороны (обладание признаком), и 'мараться, пакоститься', как приобретение его, с другой.

То, что представлено в пункте (4), можно описывать в показателях 'переживаемого ощущения, связанного с отношением неприятия либо ощущения, следующего из него'. В этом случае нет представления о возможном субъекте или объекте, от которого данное отношение исходит или же распространяется на него, будь то в связи с его проявлением (1), будь то в позиции отнесения к нему (2, с расширением в 3). Равно как и не предполагается субъектно определяемого действия в направлении к отношению неприятия, вызывая его ('сеять вражду, ненависть, клеветать, ссорить', 'ругать, бранить'), $Act(S) > Rel(Neg)$. Характеризуемый признак, определяясь по формуле ощущения, сенситива, *Sens(RelNeg)*, относился бы в этом случае к тому же уровню, что и представленные для 'вызывать' и 'проявлять себя', а общая схема соотношений могла бы выглядеть следующим образом:

В: Отношение неприятия, *RelNeg*

- действовать в отношении неприятия, вызывая его, $Act(S) > Rel(Neg)$
- проявлять себя, вести себя в отношении неприятия, *Gest(RelNeg)*
- быть объектом отношения неприятия, *Obj[Gest(RelNeg)]*
- обладать признаками объекта отношения неприятия / приобретать признаки объекта отношения неприятия, *SignObj[Gest(RelNeg)]*
- переживать ощущение, связанное с отношением неприятия, *Sens(RelNeg)*

Парадигматическую основу представленных соотношений для признака *B* составляет триада, предполагающая в своем наборе отнесение к тому, что можно видеть как проявление а) внешнего, направляемого также на внешнее, от субъекта (субъектов) к субъекту (субъектам), $S^1 > S^2$, в значениях, определяемых общим параметром 'действовать в отношении неприятия, вызывая его', б) как внутреннее, объявляющее себя и наблюдаемое во внешнем – в значениях 'проявлять себя, вести себя в отношении неприятия', оцениваясь и определяясь соответствующим образом субъектом (субъектами) в характеризуемом объекте (объектах), $S > O$, с) как внутреннее, не обязательно имеющее свою направленность на что-либо внешнее, какой-то внешний объект, и потому не входящее в определение признака 'переживать ощущение, связанное с отношением неприятия', $S \uparrow$.

Существенное значение при определении выделяемых признаков на дальнейшем, уточняющем смысловые формы, этапе, имеет то, что было охарактеризовано как деклинативные, синтагматические по сути своей, проявления

(синтагматические с учетом организуемой парадигматики). Рассмотрим это для иллюстрации лишь на одном примере, взяв для этого группу (b) – ‘внутреннее во внешнем’ (ею могла бы быть и любая другая). Выбранные из словаря-источника значения в этой группе могут быть организованы следующим образом, уже в первом примере сербохорв. *mraziti se* ‘быть отвратительным, становиться мерзким; возбуждать ненависть’: 1) ‘быть отвратительным’, 2) ‘становиться мерзким’, 3) ‘возбуждать ненависть’. И далее в той же группе:

1) быть (наличие, обладание признаком, внутреннее объекта $O \downarrow$, его *in se*): рус. бран. *мразь* ‘дрянь, ничтожество; ничтожные, презренные люди’, диал. *моразь* ‘мразь’ (твер.), *пóмразь* ‘о ком-л. ничтожном, презренном, дурном’ (яросл.), сербохорв. *mraznica* ‘отвратительное существо женского пола’, польск. диал. *mierzac* то же, ‘быть кому невыносимым’, ст.-чеш. *mrzaty* ‘гадкий, мерзкий’, чеш. *mrzaty* ‘мерзкий, угрюмый’, ‘безобразный, отвратительный, скверный’, ст.-слвц. *mrzaty*, ‘жадный, скупой’, ст.-польск. *mierziaty*, *mirziaty* ‘мерзкий, отвратительный, противный’, цслав. *мрзѣти* ‘быть омерзительным’, слвц. *mrziet* ‘быть противным, неприятным’, чеш. *mrzout* м.р. ‘надоедливый, навязчивый человек’, чеш. диал. *mrzuta* м.р. ‘брюзга’, слвц. диал. *mrzkost* ‘подлость, гнусность’, чеш. *mrzec* м.р. ‘слишком навязчивый, надоедливый человек’, словин. стар. *ńěrnica* ‘капризная, привередливая женщина’, словин. *ńěrni*, прилаг. ‘капризный, недовольный’;

2) становиться (приобретение, движение в направлении к признаку, $>O$): польск. *mierznać*, стар. *mierznać* ‘становиться отвратительным, ненавистным’;

3) вызывать (движение к субъекту переживания в направлении от обладателя признака, $(S)<O$): в.-луж. *mjerzac* ‘злить, огорчать, доставлять неприятности, раздражать’, польск. стар. *mierziac* ‘вызывать омерзение, отвращение’, чеш. *mrzeti* ‘надоедать, вызывать досаду’, ст.-чеш. *mrzeti* ‘сердить, раздражать’, болг. *мрѣзнѣ* ‘надоедать’, ст.-польск. *marznac*, *mierznać* ‘вызывать неприязнь, отвращение’, польск. *mierznać*, стар. *mierznać* ‘надоедать, досаждают; вызывать отвращение, омерзение’, словин. *ńěrnoc* ‘опротиветь, вызывать отвращение’.

Нетрудно заметить, что в (1) отмечается, наблюдаясь, наличие определяемого признака, его презенция, *Praes*, в свою очередь, в (2), представленном наименьшим числом, становление, приобретение, или ассистенция, *Assist*, а в (3) – его возбуждение (в ком-л.), вызывание, провоцирование, *Provoc*.

Деклинативные формы в каждой из выделяемых групп могут быть собственными и с другими не совпадающими, равно как и предполагать дальнейшую дифференциацию.

Обратимся теперь к определениям основного и первоначального признака *A* ‘холод, стужа, мороз’ для корня **mьrz-* > **morz-* и его производных, понимаемого как состояние внешнего по отношению к человеку. Его парадигматическая картина, исходя из материала источника, будучи более сложной и дифференцируемой по сравнению с ‘отношением неприятия’ в *B*, видится следующим образом (представим ее для начала в виде структуры, проиллюстрировав лишь одним-двумя подсказывающими примерами):

A: Состояние холода, стужи, потенциально воздействующее на человека и не человека как на объект, природно-погодное, *Stat(Frig)*, – рус. *мороз*

AI – действовать, пробуждая, вызывать состояние *A*, в направлении на объект (неизвестный субъект – не субъект, бессубъектно-безличное действие, либо субъект мифологический: *Мороз морозит, Лед*⁸ *леденит*), *Act(S) > Stat(Frig) – морозить*:

AIa – подвергаться, быть подверженным действию, быть объектом для *A*, приобретаю, в результате, соответствующий ему признак, [*Act(S) > Stat(Frig)*] > *Attr(Frig)O – мерзлый*

AIb – достигаемое по действию *A* состояние (осуществляется перенос от внешнего к внутреннему, то, что в погоде, природе, мороз становится переживаемым таким же образом внутренним состоянием), [*Act(S) > Stat(Frig)*] > *Stat(Frig)O – холодно, морозит*:

AIb(1) – наблюдаемое проявление состояния по действию *A* (внутреннее состояние объекта относительно холода опредмечивается, проявляя при этом соответствующие признаки), [*Act(S) > Stat(Frig) > Stat(Frig)O*] > *O(AttrFrig) – словен. mraznica ‘морозный туман, мгла’*

AIb(2) – достигаемое следствие состояния *A*, связываемое с ним ощущение (сенситив), [*Act(S) > Stat(Frig) > Stat(Frig)O*] > *O(SensFrig) – мерзнуть*

AIb(2a) – результат пережитого состояния *A*, его следствие⁹) – болг. диал. *мрас ‘простуда’*

AIb(2b) – подобное следствие состояния *A* как переживаемого ощущения – укр. *морóзити* безл. перен. ‘о состоянии оцепенения при восприятии чего-либо’ (как если бы *заморозило* вследствие *мерзнуть*)

AIb(2c) – физическое состояние, связанное с переживанием *A* (лихорадит, знобит), – словен. *mrazi te ‘меня знобит’*, рус. диал. *морóзиться ‘лихорадить, знобить’* (ср. Урал.), сербохорв. *mráz ‘холод, который испытывает человек при лихорадке’*

AIb(2c¹) – состояние, подобное связанному с действием *A*, – чеш. *mráz po člověku ‘дрожь от холода, болезни, волнения или страха’*

AIb(2c²) – состояние, подобное следствию действия *A*, – болг. диал. *мрас ‘ревматизм’*, сербохорв. *мрзлица ‘малярия’*

AIc – действовать на объект, проявляя себя подобно действию AI, – рус. *морóзить ‘говорить глупости, нелепости’*

⁸ Краткие сведения о славянских мифологических персонажах (божествах) мороза-холода-стужи, таких, как Зимник, Мороз, Морозко (Морозка), Карачун (Корочун), Студенец, Дед Трескун, Лед, Мароссы (Трескуны), можно найти, для примера, в источниках: *Мифы славян. Объединенный праславянский словарь*, [в:] <https://www.proto-slavic.ru/slavonic-myths/ded-moroz.htm> (17.03.2023), Е. Грушко, Ю. Медведев, *Словарь славянской мифологии*, Нижний Новгород 1996.

⁹ Опустим на этом и последующем уровне, а также в дальнейших примерах, формульное представление значений в силу всё большей их громоздкости, предполагающей нарастание показателей, тем более, что процедура будет подобной.

АП – проявлять себя¹⁰ (состояние *A* проявляет себя: во внешнем – в поведении – в ощущении = во внешнем, АПа / во внутреннем, проявляемом внешне, АПб / во внутреннем, АПс)

АПа – во внешнем:

АПа(1) – предметность, связываемая с состоянием *A* ‘быть холодным’ (внешнее проявление): словен. диал. *mízlac* м.р. ‘источник’

АПа(2) – цвет (внутреннее, себя проявляющее, обнаруживающее в наблюдаемом внешнем): в.-луж. *mrózak* м.р. ‘сивый; кличка быка’, словин. *mrozák* м.р. ‘сивый конь; мужчина с проседью’, в.-луж. *mróza* ж.р. ‘серая лошадь’

АПа(3) – внешнее, вызываемое внутренним свойственным (вегетативность): болг. *мрăзовецъ*, *мразовец* м.р. ‘растение, безвременник’, сербохорв. *мрăзовац* ‘растение, которое цветет осенью перед морозами’

АПб – во внутреннем, проявляемом внешне:

АПб(1) – поведение, проявление, связываемое с действием состояния холода

АПб(1а) – эмоциональное проявление (лишенный тепла) – сербохорв. *мрзао*, *-зла*, *-зло* перен. ‘лишенный тепла, сердечности’

АПб(1а¹) – воспринимаемое и переживаемое ощущение, как следствие того, что ‘лишенный тепла’, – сербохорв. *мрзао*, *-зла*, *-зло* перен. ‘вызывающий страх, ужас’ (дальнейшее значение того же слова, что и на предыдущем уровне)

АПб(1б) – агентивно-акциональное состояние (мне лень) – болг. безл. *мръзи мя* ‘мне лень’, *мръзи ме* ‘нет желания работать, мне лень’, болг. *мръзелив* ‘ленивый’, макед. *мрзлив* ‘ленивый’, блр. диал. *мёрзлы* перен. ‘медлительный’

АПб(2) – выражаемое, наблюдаемое материально-предметное следствие действия состояния холода – словц. *mrazovú* ‘образовавшийся под воздействием мороза’

АПб(2а) – предметно воспринимаемая, видимая “вещественность” состояния, как отвердевание жидкого с переходом в ‘сухое’ (вода): словен. *mrázica* ж.р. ‘иней’, *suha mrazica* ‘сосулька’, словин. *mrozovíně* редк. ‘иней, оседающий на волосах, усах, одежде’, блр. диал. *морозовина* ‘наледь, сосульки’, болг. *мраз* ‘лед’

¹⁰ Особенностью ряда параметров проявления состояния, таких, как АП, АПа, АПб, АПб(1), является то, что их семантика, не имея обобщенного выражения в значениях для каждого данного уровня, в смысловом отношении объявляет себя в своих составляющих – АПа(1), АПа(2), АПа(3), АПб(1а), АПб(1б) и подобные.

АПб(2b) – видимая, воспринимаемая, "чувствуемая" 'предметность следствия' действия состояния холода (объекты природы) – рус. диал. *морóзина* ж.р. 'наружная трещина вдоль древесного ствола (образующаяся от сильных морозов)' (арх.), укр. *морозовина* ж.р. 'трещина ствола дерева, которая появляется от сильного мороза', рус. диал. *мерзліна* ж.р. 'смерзшийся слой сена', сербохорв. *мр̑жља̑к* м.р. 'ком замерзшей земли'

АПб(2c) – определяемая, видимая на теле, переходящая на тело и в связи с этим переживаемая человеком "телесность" как следствие действия состояния *A* – блр. диал. *морóзина* ж.р. 'обмороженное место на теле', польск. *mróz*, *biały mróz* устар. 'отмороженная часть тела', сербохорв. *мр̑злица* 'обмороженное место'

АПб(2d) – предметный местообъект, предметно воспринимаемая "пространственность" как следствие действия состояния *A* – рус. диал. *морóзница* 'зимняя дорога, зимник', *вечный мерзляк* 'вечная мерзлота' (том.), сербохорв. *мр̑зла* ж.р. 'мерзлая земля', сербохорв. *мр̑злица* 'замерзшая поверхность земли, гололедица', рус. диал. *мерзлятина* 'глубоко промерзшая почва' (пск.)

АПс – во внутреннем – быть носителем, обладателем состояния *A* как свойственно определяющего признака, находящего свое выражение в проявлениях и соответствующих действиях, агентивный центр системы, связываемый с ее действиями и проявлениями агент – рус. *Мороз*, *Морозко* (*Морозка*) в сказках о нем, *Дед Мороз*, польск. *mrzélec*¹¹ (дух мороза)

АПш – будучи объектом, обладать признаком, связанным с состоянием *A*, – рус. *морозный*, чеш., слвц. *mrazivý* 'холодный, морозный', *mrazovitý* 'холодный как лед'

В качестве иллюстрации дальнейшего подразделения в представленной парадигме покажем значения из словаря-источника по славянским языкам и некоторым их диалектам, относящиеся к последнему параметру¹² АПш, в таких вероятных подгруппах:

1) рус. *морозный* 'холодный, морозный', чеш., слвц. *mrazivý* 'холодный, морозный', блр. диал. *марозівы* 'морозный, холодный', н.-луж. *mrozowaty* 'моро-

¹¹ «mrzélec – kaszubskie przedstawienie demona mrozu: *Na Kępie Swarzewskiej, szczególnie w Tupadlach, mówi lud o diable zwanym mrzélec, który nie jest właściwie niczym innym, jak uosobieniem silnego mrozu. Jest to „kudlati” i „wosati” demon pokryty „zglódzq” (szronem), wyrządzający szczególnie w gospodarstwie domowym wielkie szkody. „Zamrzą” wodę w studniach, krowom mleko w wymionach, on nawet gotów „zamrozęc” czy „zamorzęc celq w krowie”. Także rybakom „sq psoci”, pokrywając jeziora, stawy, a nawet morze grubq powłokq lodowq, niedoświadczonych zaś prowadzi do przerebli i topi.* [A. Sychta, *Kaszubskie nazwy diabla*]. Цит. по: В. і А. Podgórcy, *Encyklopedia demonów*, Wrocław 2000, s. 260.

¹² Выбор параметра АПш ('объект, обладающий признаком') был не случайным, поскольку оттенки его значений представляются тонкими и в своих различиях недостаточно выразительными, отображаясь нередко в одном языке как значения и подзначения одного и того же слова.

зный, холодный’, болг. *mrazovítый* ‘морозный, холодный’, ст.-чеш., чеш. *mrazový* ‘морозный’, макед. *mrazovit* ‘морозный’, сербохорв. *mrazòvit* ‘морозный, холодный’, словен. *mrazovít* ‘морозный’, словин. *mrozovi* ‘морозный’, словин., польск. диал. *mroźliwy* ‘морозный’, рус. диал. *морóзливый* ‘морозный, холодный’, сербохорв. *mrazan* ‘морозный, холодный’, словен. *mrázen* ‘холодный, морозный’, чеш. *mrazný* ‘холодный, морозный’, польск. *mróźny* ‘холодный, морозный’, в.-луж. *mróznu* ‘морозный’, словин. *mrozny*, *mrozni* ‘морозный’, *mrozni* ‘морозный, холодный’, др.-рус., рус. *морозно* ‘морозно’, укр. *морóзний* ‘холодный’, словин. *márlěvi*, ‘морозный’, *márzlávì* ‘холодный’, сербохорв. *mrzan* ‘студеный, холодный’, *mrzao* ‘холодный’, словен. стар. *mrzel*, *mízel* ‘холодный’, болг. *mrazovít* ‘морозный’, ст.-сл. *мразьнь* ‘морозный’, болг. *mrázen* ‘морозный’, макед. *mrazen* ‘морозный’, рус. диал. *морóзовый* ‘морозный’ (ряз.), рус. диал. *морóзовый* ‘холодный’, укр. *морозóвий* ‘холодный, морозный’ (в этой группе возможно значимое подразделение на ‘морозный’ как отношение к морозу, и ‘холодный’ как ощущение стужи-холода, что, с точки зрения организуемой системы, видится немаловажным)

- (2) укр. *морóзний* ‘очень холодный’, болг. *mrazovít* ‘очень холодный’, *mrázen* ‘очень холодный’, польск. диал. *mr^uo^{ei}źnyⁱ* ‘очень холодный’, рус. *морóзный* ‘очень холодный’
- (3) чеш. *mrazovity* ‘холодный как лед’
- (4) словц. *mrazný* ‘ледяной’, в.-луж. ‘ледяной’, сербохорв. *mrzao* ‘ледяной’, ст.-сл. *мразьнь* ‘ледяной’, макед. *mrazen* ‘ледяной’, польск. диал. *mr^uo^{ei}źnyⁱ* ‘ледяной’
- (5) укр. диал. *морозний*, *морóзні* ‘очень холодный (о ветре)’
- (6) укр. *морóзний* ‘с морозом, с морозами’, рус. диал. *морóзовый* ‘с морозом, с морозами’ (ряз.), укр. *морозóвий* ‘обильный морозами’, рус. *морóзный* ‘с сильным морозом’
- (7) польск. диал. *mr^uo^{ei}źnyⁱ* ‘схваченный морозом’
- (8) словин. *márzlávì* ‘зябкий’

Первое, на что следует обратить внимание, и это должно быть характеристикой определяемой системы, будет сводиться к необходимости различать значения, выражаемые в употреблениях в речи, а также и в языке, нередко имеющие совмещаемый характер (*морозный* ‘холодный’ и ‘связываемый с морозом, морозами’, к примеру, в *морозный денек*, но *морозная осень*, скорее, ‘с морозами’), и то, что выстраивается в парадигматический ряд (‘холодный’ и ‘связываемый с морозом, морозами’ не совмещенно). Выделяемые смысловые признаки осознаются, но далеко не всегда в отчетливом различении. Система, как виртуальность, и ее отражение, в том числе и в сознании, не обязательно симметричны в своих проявлениях.

Возвращаясь к представленному в восьми выделяемых пунктах, нетрудно заметить в них (при различении ‘холода’ и ‘мороза’, в подаваемых значениях не отражаемом) следующие дифференцирующие основания: а) ‘мороз’ (см. п. 1) как природно-погодное состояние внешнего, внешнее, действующее на внутреннее (переживаемые ощущения человека), б) ‘холод’ (1), и далее в степени, б¹)

‘очень холодный’ (2) как такое температурное состояние внешнего, которое переходит во внутреннее, становясь ощущением внешнего в нем, с) ‘лед’ (3 и 4), внешнее как застывшее и его наблюдаемое, ‘водное’ следствие из ‘мороза’, предполагает два положения – b^c) ‘холодный как лед’ (3), с переходом ‘водного’ следствия из ‘мороза’ в температурное его ощущение, и ‘ледяной’ (4), которое в семантическом отношении может восприниматься как предыдущее (3) и как такое, которое представляет собой наблюдаемое ‘водное’ следствие из ‘мороза’, с¹) ‘покрытый льдом’, что, будучи возможно, для употреблений в (4), скорее всего, нетипично.

Представленное в дальнейших пунктах, за исключением последнего (8), следует воспринимать как проекции ‘холода’ – b^{1a}) ‘очень холодный (о ветре)’ (5) и ‘мороза’ – a¹) ‘с морозом, с морозами’ (6) и a²) ‘схваченный морозом’ (7). Первое было бы проявлением состояния, отраженного в (b¹), во внешнем природном, ощущаемом физически (b^{1a}). Второе, соответственно, сопровождающим проявлением состояния (a) (состояние в состоянии, (a¹), как атрибутивная характеристика того, что ‘с морозами’). Третье (a²) – наблюдаемым следствием состояния внешнего (‘мороз’), как внешнее внешнего (‘с морозами’).

И последнее, отраженное в пункте (8), ‘зябкий’, можно видеть как d) переживание ощущения ‘холода’ и, тем самым, следствие к (b) (внутреннее переживание внешнего – *зябкая погода, зябкий день*) и как e) характеризуемое свойство субъекта (*зябкий человек* – внешнее наблюдаемое атрибутивного внутреннего).

В заключении хотелось бы обратить внимание на то, что отображенное в признаках *A*, ‘состояние холода, стужи’, и *B*, ‘отношение неприятия’, для общего корня **myrz-* > **morz-*, с выявляемыми производными, подчиняется общей семантической концептуальной основе, проявившей себя в коррелирующих соотношениях внешнего, внешнего, воздействующего на внутреннее, внутреннего, внутреннего, себя проявляющего во внешнем. Дальнейшие основания семантических отражений формируются в виде следствия задействия в них таких “грамматических” показателей, как субъект, объект, субъект как агент, объект-человек и объект-предметность, местообъект, пространственность, действие, признак, признак как свойство (обладание, принадлежность), признак как качество (характеристика, определение), наблюдаемое внешнее, внешнее, ощущаемое внутренне, переходящее, переводимое в него. Что касается языков, несомненный интерес могло бы представлять сопоставление отображаемых в них парадигматических вариаций – того, что типично, частотно и характерно для каждого, для какой-то совместной группы, с вероятным учетом, в том числе, диалектных данных, без чего, с одной стороны, картина была бы не полной, а с другой, последовательный учет подобного материала может оказаться проблематичным. В данной статье была затронута небольшая часть того, что нашло свое отражение в словаре-источнике, обстоятельное представление которого в силу ограничений объема выделось невозможным. Интересным и показательным было бы рассмотрение, на предлагаемой основе, семантических отражений

других общеславянских корней, с тем чтобы можно было увидеть как объединяющее их закономерное, так и типологическое, различаемое в проективных типах и видах.

References

- Barinova I.A., Nesterova N.M., Ovchinnikova I.G., «*Yazykovoye soznaniye*»: *k voprosu ob opredelenii i interpretatsii termina*, «Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Seriya Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki» 2010, № 4.
- Baryshnikov P.N., *Problema kontseptomodelirovaniya v yazykovom soznanii (na primere kognitivnykh metafor)*, «Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya» 2010, № 1 (32): v 2-kh ch., ch. II.
- Basharina A.K., *Ponyatiye «Semanticheskoye pole»*, «Vestnik Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta» 2007, t. 4, № 1.
- Benveniste É., *Obshchaya lingvistika (Gl. XXIII O sub'yektivnosti v yazyke)*, Moskva 1974.
- Bocharova M.A., *Semanticheskoye pole kak sposob sistemnogo opisaniya leksiki*, «Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'» 2012, № 4.
- Boldyrev N.N., *Problemy issledovaniya yazykovogo soznaniya*, [v:] *Kontseptual'nyy analiz yazyka: Sovremennyye napravleniya issledovaniya*, Moskva – Kaluga 2007.
- Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Yazykoznanie*, pod red. V.N. Yartsevoy, Moskva 1998.
- Bugajski M., *Świadomość językowa a świadomość lingwistyczna. Społeczne i naukowe potrzeby kultury języka*, [w:] *Mowa rozświetlona myślą. Świadomość normatywno-stylistyczna współczesnych Polaków*, J. Miodek (red.), Wrocław 1999.
- Chernykh P.Ya., *Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennoy russkogo yazyka*. V 2 t., 3-e izd., stereotip., Moskva 1999, t. I.
- Cygan S., *Zagadnienie świadomości językowej w literaturze językoznawczej*, [w:] *Annales Academiae Pedagogice Cracoviensis. Studia Linguistica*, pod red. L. Bednarczuka, M. Mączyńskiego, T. Szymańskiego, Kraków 2002.
- Dolgikh N.G., *Teoriya semanticheskogo polya na sovremennom etape razvitiya semasiologii*, «Filologicheskiye nauki» 1973, № 1.
- Dzyuba E.V., *Lingvokognitivnaya kategorizatsiya v russkom yazykovom soznanii*, Ekaterinburg 2015.
- Dzyuba E.V., *Tipologiya kategorii yazykovogo soznaniya*, «Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta» 2015, № 1 (17).
- Gajda S., *Ku świadomości językowej*, [w:] *Świadomość językowa. Język a edukacja*, J. Nocoń, A. Tabisz (red.), t. 3, Opole 2014.
- Goroshko E.I., *Yazykovoye soznaniye (assotsiativnaya paradigma)*. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk, Moskva 2001.
- Grushko E., Medvedev Ju., *Slovar' slavjanskoj mifologii*, Nizhnij Novgorod 1996.
- Jetimologicheskij slovar' slavjanskih jazykov. Praslavjanskij leksicheskij fond*. Vyp. 20 (*morzat'j' – *m'rsknōti). Pod red. O.N. Trubacheva, Moskva 1994.
- Kiseleva M.P., *Yazykovoye soznaniye kak problema otechestvennoy kognitivistiki*. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk, Rostov-na-Donu 2009.
- Markowski A., *Świadomość językowa współczesnych Polaków*, [w:] *Kultura języka polskiego. Teoria. Zagadnienia leksykalne*, Warszawa 2005.

- Mify slavyan. Ob. "yedinennyy praslavyanskiy slovar"*, <https://www.proto-slavic.ru/slavonic-myths/ded-moroz.htm>.
- Pocheptsov O.G., *Yazykovaya mental'nost': sposob predstavleniya, «Voprosy jazykoznanija»* 1990, № 6.
- Podgórcy B. i A., *Encyklopedia demonów*, Wrocław 2000.
- Shafikov S.G., *Teoriya semanticheskogo polya i komponentnoy semantiki ego edinita*, Ufa 1999.
- Shchur G.S., *Teoriya polya v lingvistike*, Moskva 1974.
- Świadomość językowa w ujęciu antropologiczno-kulturowym*, [w:] *Język a kultura*, t. 28, 27 maja 2021.
- Tkachenko Yu.G., *Yazykovaya matritsa gendernykh stereotipov*, «*Politicheskaya lingvistika*» 2016, № 5 (59).
- Ufimtseva N.V., *Yazykovoye soznaniye: dinamika i variativnost'*, Moskva 2011.
- Ushakova T.N., *Yazykovoye soznaniye i printsipy ego issledovaniya*, [v:] *Yazykovoye soznaniye i obraz mira*, pod red. N.V. Ufimtseyoy, Moskva 2000.
- Ushakova T.N., *Ponyatiye yazykovogo soznaniya i struktura rechemysle-yazykovoy sistemy*, [v:] *Yazykovoye soznaniye: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty*, pod red. N.V. Ufimtseyoy, Moskva – Barnaul 2004.
- Vasil'yev L.M., *Teoriya semanticheskikh poley*, «*Voprosy yazykoznanija*» 1971, № 5.

NOTA O AUTORZE

Piotr Czerwiński – prof. zw. dr hab., Uniwersytet Śląski w Katowicach, Instytut Językoznawstwa. **Najważniejsze publikacje: monografie:** *Семантический язык фольклорной традиции*, Ростов-на-Дону 1989; *Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические основы этносемантики*, Тернополь 2010; *Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц*, Томск 2011; *Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные*, Katowice 2012; *Язык советской действительности. Семантика позитива в обозначении лиц*, Saarbrücken 2012; *Патетизмы советского официоза в аспекте модулятивной семантики*, Saarbrücken 2014; *Формы и виды бега русской ментальной действительности*, Тернополь 2014; *Русский речевой узус*, Тернополь 2018; *Семантика многолюдства русского языкового сознания*, Тернополь 2019; *Знак и значение. Семантика предсказаний в знаменьях, повериях и приметах*, Katowice 2020; *Зазеркалье. Предметный мир примет и поверий. (Свадебный цикл)*, Katowice 2020; *Предметный мир примет и поверий. (Цикл рождения)*, Katowice 2022; *Предметный мир примет и поверий. (Проживание смерти)*, Katowice 2022.

ORCID: 0000-0001-6575-5736

Email: czerwinski.piotr@gmail.com